

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.17>

Склејнис Галина Альфредовна

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИСАТЕЛЬСКОЙ БИОГРАФИИ ПО ТЕКСТАМ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматриваются возможности реконструкции писательской биографии по художественным текстам, эпистолярному и мемуарному материалу. Подобный подход, малоисследованный в литературоведческом аспекте, - один из актуальных и наиболее продуктивных видов изучения личности, миропонимания и творчества художника слова. Рассматривается ряд взаимосвязанных условий, позволяющих эффективно реконструировать личность писателя: невысокая степень изученности жизни и творчества, "невершинный" масштаб личности писателя, намеренная демонстрация взглядов, жанровая специфика. В качестве иллюстрации предлагаются конкретные примеры из творчества писателей различного уровня, прежде всего, В. В. Крестовского и Ф. М. Достоевского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 288-291. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0:801.6

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.17>

В статье рассматриваются возможности реконструкции писательской биографии по художественным текстам, эпистолярному и мемуарному материалу. Подобный подход, малоисследованный в литературоведческом аспекте, – один из актуальных и наиболее продуктивных видов изучения личности, миропонимания и творчества художника слова. Рассматривается ряд взаимосвязанных условий, позволяющих эффективно реконструировать личность писателя: невысокая степень изученности жизни и творчества, «невершинный» масштаб личности писателя, намеренная демонстрация взглядов, жанровая специфика. В качестве иллюстрации предлагаются конкретные примеры из творчества писателей различного уровня, прежде всего, В. В. Крестовского и Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова и фразы: реконструкция биографии писателя; манифестация взглядов; биографический метод; мемуарная литература; жанровая специфика.

Склеинис Галина Альфредовна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
Psy-adept@rambler.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИСАТЕЛЬСКОЙ БИОГРАФИИ ПО ТЕКСТАМ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

В настоящее время проблема реставрации писательской биографии по текстам – одна из актуальных литературоведческих проблем. Малоизученным и литературоведчески значимым является сам подход к исследованию личности и миропонимания, особенностей творчества писателя.

При традиционном историко-литературном изучении сначала анализируются биография, особенности мировоззрения, эволюция взглядов, кризисов и взлетов, характер литературных влияний. Затем происходит «наложение» фактов биографии на творчество, интерпретация этого творчества через призму личности и натуры художника слова.

Мы предлагаем исследовать творчество «от противного»: понять, каким образом угадываются черты писательской индивидуальности в поведении, манере говорить, мыслить того или иного героя; в формах авторского присутствия; в окончательном варианте, в качестве сверхзадачи – реконструировать по художественным текстам писателя, с помощью мемуарных материалов его современников и эпистолярия, факты биографии и мировоззрения.

При подобном подходе возможно не только углубить представление о фактах писательской биографии, об особенностях его мировидения. Более плодотворным, научно обоснованным становится привлечение мемуарных источников и эпистолярного наследия, поскольку они вводятся в научный оборот: анализируются, комментируются, сопоставляются.

Целью нашей работы является: во-первых, выявление и анализ условий, которые сделают подобного рода реставрацию и возможной, и наиболее эффективной; во-вторых, иллюстрация «реставрированных» фактов биографии и миропонимания конкретного писателя (мы выбрали как оптимально подходящее творчество В. В. Крестовского).

В ходе исследования этой проблемы выявляем четыре основных условия, необходимых для реконструкции биографии писателя.

К первому условию отнесем степень изученности жизненного и творческого пути. Закономерность выявляется следующая: чем меньше степень изученности, тем интересней и плодотворней вид, названный нами «реконструкцией».

Говоря о невысокой степени изученности, мы не имеем в виду невосполнимые «лакуны», пробелы в писательской биографии, связанные, например, с большой временной дистанцией, отделяющей нас от эпохи, в которую изучаемый писатель жил и творил. В нашем случае речь идет о другой категории писателей. Нам известны основные факты их биографии (биографическая канва), суть их миропонимания (охранительная, консервативная или, напротив, радикальная, вольнолюбивая), однако эти факты разрознены, это миропонимание сформулировано в самом общем плане. Чтобы углубить, разнообразить, сделать более ярким и насыщенным представление о личности, натуре художника слова, необходимо привлечение литературного и документального материала. Литературное наследие – это его творчество, о характере которого мы скажем позднее. Документальный материал – это мемуарная и эпистолярная литература, принадлежащая как самому писателю, так и его друзьям, знакомым, недругам, просто современникам, добровольным или невольным биографам.

В качестве иллюстративного примера приведем личность В. В. Крестовского, автора знаменитых «Петербургских трущоб», который тем не менее остался до недавнего времени одним из наименее изученных русских писателей XIX века. По мнению В. А. Викторовича, именно скандальная слава писателя, его одиозная личность, репутация «Всеволода Клубничкина» послужили причинами того, что «всерьез исследовать творчество Крестовского, весьма объемное и разнородное, считалось почти неприличным» [1, с. 44].

Еще одна причина, по которой произведения В. В. Крестовского до конца 80-х годов XX столетия либо замалчивались, либо подвергались беспощадной критике, – это его политическая позиция, резко и стремительно эволюционировавшая от радикализма к консерватизму.

В 1990-е годы появляется ряд работ, посвященных биографии и творчеству В. В. Крестовского. Это уже названная работа В. А. Викторovichа «Всеволод Крестовский: легенды и факты», вступительная статья И. Скачкова к изданию двухтомника «Петербургских трущоб» «Жизнь и творчество В. Крестовского», работа Н. Д. Тамарченко о Вс. Крестовском в книге «Русские писатели: библиографический словарь». Нетрудно заметить, что по объему данные исследования невелики: это не монографии, а словарные статьи. В более объемных исследованиях С. В. Шарифуллиной, Г. А. Склейнис и др. делается акцент не на личности В. Крестовского, а на каких-либо аспектах его миропонимания и творчества [1; 8-11].

Названные работы имеют несомненные достоинства. Так, именно В. А. Викторovich, проведший кропотливую и одновременно творческую работу с архивными материалами, мемуарами, публицистикой, развеял многие мифы об авторе «Петербургских трущоб» и «Кровавого пуфа» и заложил в начале 90-х годов XX века основу для научного изучения его личности и творчества. На ряд интересных, малознакомых деталей биографии Вс. Крестовского, связанных с творческой историей романа «Петербургские трущобы», ссылаются И. Скачков, Н. Д. Тамарченко.

Однако, как уже было сказано, в силу незначительного объема литературоведы практически не вводят в научный обиход своих работ целый ряд мемуарных источников: критика и историка литературы А. М. Скабичевского, учившегося вместе с писателем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета; журналиста С. С. Окрейца, близко знавшего Вс. Крестовского во время службы писателя в Западном крае; Ю. Л. Ельца, редактора полного собрания сочинений романиста, его благожелательного, но беспристрастного биографа и помощника по редактированию «Варшавского дневника» [3; 6; 7].

Существуют, наконец, писатели, литературные критики, тесно, непосредственно общавшиеся с Крестовским в период его духовного самоопределения и резкого «поправления»: А. Григорьев, А. Писемский, Н. Лесков, Ф. Достоевский – и оставившие о нем воспоминания, мнения, суждения в письмах. Обращение к их воспоминаниям, несомненно, углубит представление о личности В. В. Крестовского.

Вот, например, только одно из высказываний Ф. М. Достоевского, тесно общавшегося с писателем в 1860-е годы. В письме к А. И. Шуберт от 14 марта 1860 года читаем: «Я его очень люблю... Милый, благородный мальчик!...» [2, с. 10]. А вот, напротив, суждение А. М. Скабичевского, которого Вс. Крестовский «поражал крайней поверхностностью и легкомыслием, с какими судил обо всем»; «отталкивал... свою заносчивостью, задираньем головы» [4, с. 107]. Попытаться примирить противоречивые мнения – значит приблизиться к пониманию сути характера изучаемого писателя.

Вторым условием, необходимым для реконструкции биографии писателя, является масштаб его личности.

Одним из несомненных достоинств гениального художника слова мы считаем способность к перевоплощению, силу преобразования, позволяющие ему проникать в чуждую душевную организацию. Мы полагаем, что такая сила художественного преобразования может помешать исследователю реставрировать миропонимание писателя. Ярким примером служит творчество великого Ф. М. Достоевского.

Прежде чем ссылаться на примеры, хотелось бы сделать некоторые терминологические уточнения.

Говоря о реставрации авторского миропонимания, необходимо разграничивать:

1. Позицию автора-повествователя.
2. Позицию героев.

Несмотря на публицистическую «подпитку», Достоевский редко высказывается в своих романах прямо, пытаясь оценить перспективу развития характера героев или высказаться по тем или иным событиям русской жизни. На протяжении десятилетий он постоянно экспериментировал с жанровой формой повествования: эпистолярный роман «Бедные люди», повествование от лица сходящего с ума Голядкина («Двойник»), через призму восприятия Раскольникова («Преступление и наказание»), с позиций хроникера («Бесы»), от лица наивного скотопригоньевского рассказчика («Братья Карамазовы»). Он мистифицирует читателя, дает ему ложные ориентиры. Объясняя, например, состояние Ивана Карамазова накануне явления черта, рассказчик дает такое физиологическое объяснение его inferнальному бреду: Иван был накануне белой горячки. Но это именно глубокомысленное объяснение наивного рассказчика, над которым повествователь иронизирует. Мотив бесовства в «Братьях Карамазовых» – важный оценочный мотив, но сложная, противоречивая позиция автора по отношению к идеологу «карамазовщины» выявляется не сразу, через цитату из текста, а через сложную систему композиционных средств, двойнических соотношений, характерологических наблюдений и сопоставлений, через сличение романной реальности и переписки Достоевского с самыми разными адресатами (М. Н. Катковым, Н. А. Любимовым, Ю. Ф. Абаза и др.).

Словом, мы можем реконструировать авторскую позицию, анализируя художественный текст, но сделать это будет труднее, чем реконструировать позицию, например, Вс. Крестовского, которая прямо проявляется в пространственных высказываниях автора-повествователя.

Обратимся к конкретному примеру.

В четвертой части романа «Панургово стадо» автор пытается оценить последствия нигилистического миропонимания и ответить на вопрос: если идеи нигилизма так нелепы, столь чужды русской почве, то в чем причина их широкой популярности в России 1860-х годов?

В размышлениях Вс. Крестовского присутствует мотив общественной болезни, трактуемой как всеобщее опьянение, чад, угар: «И точно: это был какой-то сумбур, какая-то тяжелая, хмельная, чадная оргия» [Там же, с. 227].

Истоки увлечения нигилистическими идеями писатель видит в прошлом: «Это было прямое и естественное следствие причин исторических, начиная с Гатчиновщины, Аракчеевщины и кончая тридцатилетним гробовым молчанием. Это была расплата за прошлое» [Там же].

Что имеется в виду под «Гатчиновщиной, Аракчеевщиной и тридцатилетним молчанием»? Вероятнее всего, различные проявления деспотизма и самовластия, политика «закручивания гаек», проводимая в период правления Павла I, в аракчеевскую эпоху царствования Александра I; мрачный деспотический режим тридцатилетнего (1825-1855) правления Николая I. Альтернатива им – царствование нынешнего государя, Александра II Освободителя, усилия которого, направленные на процветание России, не были, однако, поддержаны общественными силами, лишенными за годы «безвременья» инициативы и самостоятельности: «...разногласица во всех сферах общества, фанфаронство общим и народным делом, вопросительный знак большей части дворянства перед новым экономическим бытом... непонимание прямых народных интересов... – вот общая картина того положения, в котором застал Россию 1862 год» [Там же].

На этом фоне идеи нигилизма, притягательные своим радикализмом, доступностью, ощущением уверенности, исходящим от его идеологов, иллюзией деятельности, которую искала «беспокойная» часть общества, получили широкое распространение, особенно среди молодежи, с ее потребностью в обновлении жизни и жаждой живого дела.

Предыдущий абзац – попытка «реконструировать», восстановить из контекста романной диалогии логику Вс. Крестовского. Справедливость наших размышлений подтверждается, в частности, разговором Татьяны Стрешневой с Устиновым. Оправдывая свой непродолжительный интерес к Коммуне, организованной Полояровым, героиня говорит: «Мне казался в них признак серьезного, насущного и хорошего дела, а я бездельем страдаю» [Там же, с. 285]. Можно сослаться также на высказывание благонамеренного Устинова, который утверждает, что выходом должна стать «добрая встряска», которая послужит «хорошим нашатырным спиртом» [Там же]. Такой встряской, таким «прочным, честным и серьезным делом» [Там же] становится для героев романа участие в подавлении Польского восстания, составившее сюжетную основу второй книги диалогии – «Две силы», опубликованной в «Русском вестнике» М. Н. Каткова в 1874 году (№ 2-4, 6, 7, 10-12).

Таким образом, мы выявляем, реставрируем мировоззрение Крестовского, апеллируя к высказываниям автора-повествователя и «проверяя» эти высказывания утверждениями героев, особенностями развития сюжета, общекультурными реалиями (понятие гатчиновщины, аракчеевщины). Сделать это несложно, поскольку авторская позиция выражена прямо и можно быть уверенным, что в утверждениях героев (положительная Татьяна Стрешнева, «alter ego» автора Холодец, прозревший Хвалынцев) нет подвоха.

Реконструировать миропонимание Ф. М. Достоевского через авторскую позицию, как уже было сказано, гораздо сложнее, а через позицию героев – еще более сложно.

В своих романах Ф. М. Достоевский в разной степени отдал дань жанровым традициям антинигилистического романа, однако сделал это особым образом [9, с. 252-361].

Например, в антинигилистической романистике отрицательные герои даны резко сатирически, даже памфлетно. Так, нигилист Ардалион Полояров, в романе того же В. В. Крестовского «Панургово стадо» – убийственная пародия на писателя В. Слепцова, – гнусное животное; герой, считающий женщину «самкой», а женственность гнилой, внушающий соблазненной им девушке, что «забота о потомстве лежит исключительно на особах женского пола» [4, с. 421], виновник гибели Нюты Лубянской, трус, фразер и подлец.

В «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского нигилист оказывается не сатирическим персонажем, а трагическим лицом, поставленным в центр сюжетного действия. Искушающая сила богоборческих монологов Раскольникова способна создать иллюзию, что писатель солидарен с его «правдой». Еще большей искушающей силой наделена мятежная аргументация Ивана Карамазова, побудившая Достоевского отложить на некоторое время публикацию романа, чтобы найти его бунту достойные контраргументы. И все это несмотря на то, что целью писателя было развенчание теории Раскольникова, разоблачение карамазовского бунта. Р. Г. Назиров писал, что «главным принципом идейной дискуссии Достоевского со своими героями-идеологами» является «сюжетная критика», а болевой эффект при создании бунтарских сцен – это «художественный аргумент в пользу бунта» [5, с. 64, 107].

Великая сила художественной убедительности, умение проникнуть в чуждое ему сознание усложняют, по нашему убеждению, реконструкцию писательского мировоззрения.

Третьим фактором, который необходимо учитывать при реконструкции фактов биографии и особенностей мировоззрения писателя, мы бы назвали степень манифестации взглядов. Нетрудно заметить, что она зависит от масштаба писательского таланта, поскольку декларировать взгляды проще, чем создавать сложную систему аргументов, побуждающих «прорываться» к позиции автора. Однако дело тут не только в мощи таланта, но и в натуре художника слова. В качестве примера приведем творчество В. М. Гаршина, создавшего героя «гаршинского типа» во всех без исключения рассказах своего непродолжительного творчества: «Четыре дня», «Художник», «Красный цветок», «Надежда Николаевна» и пр.

Гаршин – художник большой, но не гениальный; он может быть художником только при изображении пережитого. Поэтому приведем другой пример – пример писателя, равновеликого Ф. М. Достоевскому. Это Л. Н. Толстой.

Противопоставляя Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, Н. Трубеткой справедливо говорил про “*der tendenziöse ideologische Roman Tolstoys, in dem der Hauptheld zugleich auch der Träger der Ideologie des Verfassers verkörpert und allen seinen ideologischen Gegnern geistig überlegen ist...*” («тенденциозные идеологические романы Толстого, в которых главный герой одновременно воплощает позицию издателя и духовно превосходит всех своих идеологических противников...») – перевод автора статьи. – Г. С.) [12, S. 136].

По-видимому, есть другие факторы, побуждающие писателя прямо манифестировать свои взгляды, а значит, облегчающие исследователю реконструкцию его позиции. Из важнейших назовем только один.

Четвертым фактором, делающим реконструкцию взглядов наиболее эффективной, является жанровая специфика. Мы имеем в виду соотношение художественности и публицистичности. В качестве примера и альтернативного примера вновь приведем романное творчество Достоевского и В. В. Крестовского.

В. В. Крестовский во второй части романа «Две силы» завершил жанровый «симбиоз» и создал художественно-публицистическое произведение, в котором сосуществуют два равноценных и равноправных плана изображения: документально-публицистический и художественный. Именно поэтому мы имеем дело с прямым, непосредственным выражением проблематики, а значит, с успешной реставрацией его взглядов по писательским текстам.

Роман Ф. М. Достоевского публицистичен, но это публицистичность особого рода. Она не сопоставляется художественности, как в романистике А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова, не образует второй сюжетный пласт, как в дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пуф», а «вбирается» в художественность, подпитывая, прежде всего, страстные монологи героев-богоборцев. Наряду с другими факторами (степень преобразования, манифестации, внушительная изученность), это усложняет нам реставрацию его биографии и миропонимания.

Список источников

1. **Викторович В. А.** Всеволод Крестовский: легенды и факты // Русская литература. 1990. № 2. С. 44-58.
2. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1985. Т. XXVIII. Кн. II. 615 с.
3. **Елец Ю. Л.** Биография // Крестовский В. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Изд. Товарищества «Общественная польза», 1899. Т. I. С. III-LV.
4. **Крестовский В. В.** Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Изд. Товарищества «Общественная польза», 1904. Т. III. 622 с.
5. **Назрив Р. Г.** Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Издание Саратовского университета, 1982. 160 с.
6. **Окрейц С. С.** Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 5. С. 396-419.
7. **Скабичевский А. М.** Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 431 с.
8. **Скачков И. В.** Жизнь и творчество В. В. Крестовского // Крестовский В. В. Петербургские труппы: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 3-20.
9. **Склеинис Г. А.** Русский антиингилистический роман: генезис и жанровая специфика: дисс. ... д. филол. н. Магадан, 2009. 404 с.
10. **Тамарченко Н. Д.** Крестовский // Русские писатели: биобиблиографический словарь: в 2-х т. / под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Т. I. С. 370-372.
11. **Шарифуллина С. В.** Проза В. В. Крестовского в контексте антиингилистической беллетристики 60-80-х гг. XIX века: дисс. ... к. филол. н. Череповец, 2003. 195 с.
12. **Trubetzkoy N. S.** Dostoevskij als Künstler. L. – P.: Mouton und C°, 1964. 178 S.

RECONSTRUCTION OF THE WRITER'S BIOGRAPHY ON THE TEXT BASIS AS A SCIENTIFIC PROBLEM

Skleinis Galina Al'fredovna, Doctor in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University, Magadan
Psy-adept@rambler.ru

The article deals with the possibilities of reconstructing a writer's biography on the basis of literary texts, epistolary and memoir materials. This approach, little studied in the literary aspect, is one of the most topical and productive types of the study of the personality, world outlook and creativity of the artist of the word. A number of interrelated conditions are considered that allow reconstructing effectively a writer's personality: the low degree of the study of life and creativity, the “non-peak” scale of a writer's personality, intentional demonstration of views, genre specificity. As an illustration, the author offers specific examples from the creative work of writers of various levels, primarily V. V. Krestovsky and F. M. Dostoevsky.

Key words and phrases: reconstruction of writer's biography; manifestation of views; biographical method; memoirs; genre specificity.